

Д. М. Петрушевский

**Новое исследование о
происхождении феодального
строя**

(Критика)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д. М. Петрушевский**
Новое исследование о происхождении феодального строя: (Критика) / Д. М. Петрушевский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 74 с.

ISBN 978-5-458-00826-6

Журнал Министерства Народного Просвещения. Шестое десятилетие. Часть 284. 1892 декабрь. Новое исследование о происхождении феодального строя. (Критика).

ISBN 978-5-458-00826-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новое исследование о происхождении феодального строя.

VILLAINAGE IN ENGLAND. Essays in English Mediaeval History by *Paul Vinogradoff*, Professor in the University of Moscow. Oxford. At the Clarendon Press. 1892.

Едва ли кто станет отрицать, что въ сферѣ общественныхъ наукъ въ настоящее время происходитъ процессъ броженія. Задачи и методы научнаго изслѣдованія рѣшительно измѣнились. Вслѣдствіе этого стерлись или слились линіи, рѣзко отграничивавшія область одной науки отъ другой; старыя, традиціонныя рубрики уже утратили свой смыслъ, а новыя между тѣмъ еще не выработались съ полной опредѣленностью. Съ другой стороны, рядомъ съ прежними науками возникъ и возникаетъ цѣлый рядъ совершенно новыхъ дисциплинъ, явившихся въ результатѣ какъ естественной дифференціаціи въ научной области, такъ и привлеченія къ изслѣдованію совершенно новыхъ сторонъ жизни. Повидимому, не будетъ слишкомъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что ферментомъ, произведшимъ броженіе, явилась историческая точка зрѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ окончательно установилось воззрѣніе на общество, какъ на явленіе историческое, постепенно развивающееся отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному; съ тѣхъ поръ, какъ въ строѣ общества, въ его учрежденіяхъ перестали видѣть воплощеніе извѣчно существовавшихъ въ человѣческомъ сознаніи, по самой своей сущности неизмѣнныхъ принциповъ,—стало уже невыносимымъ прилаживаніе къ общественнымъ явленіямъ понятій и теорій, созданныхъ а priori, въ лучшемъ случаѣ путемъ обобщеній изъ фактовъ даннаго фазиса, данной среды. Наука стала изучать *генезисъ* и *развитіе* общественныхъ явленій путемъ

тщательнаго и всесторонняго анализа общественныхъ явленій во всей ихъ индивидуальности и въ полномъ ихъ контекстѣ, пользуясь для этого всѣми средствами наблюденія, выработанными наукой о законахъ и приемахъ правильнаго мышленія, комбинируя при этомъ условія наблюденія такимъ образомъ, что отсутствіе опыта, такъ облегчающаго дѣло въ наукахъ естественныхъ, становится почти неощутимымъ; изученіе историческое каждый моментъ переходить въ изученіе сравнительно-историческое. Въ то время, какъ политическая экономія и право усваиваютъ, такимъ образомъ, черты историческихъ дисциплинъ, и исторія въ собственномъ смыслѣ становится далеко не тѣмъ; чѣмъ она была прежде всецѣло и чѣмъ и теперь продолжаетъ еще быть для многихъ. Подъ вліяніемъ общаго подъема научнаго сознанія на западѣ Европы исторія оставляетъ мало-по-малу совершенно бесплодную для интересовъ знанія задачу морализующаго живописанія, все болѣе и болѣе проникается недоувѣріемъ къ заманчивымъ миражамъ, грезившимся философамъ-историкамъ, и все прочіе и прочіе становится на твердую почву истинно научнаго, строго методическаго изученія общественной эволюціи, какъ результата взаимодѣйствія экономическаго, соціальнаго, политическаго и культурнаго процессовъ. Законы развитія человѣческаго общества, съ одной стороны, сравнительное изученіе частныхъ случаевъ этого развитія, отдѣльныхъ историческихъ обществъ, съ другой,—вотъ цѣль и средства этой науки, которой одни даютъ названіе соціологін, другіе — всеобщей исторіи или просто исторіи.

Такимъ образомъ, задачи и методы исторіи и другихъ общественныхъ наукъ становятся въ сущности тождественными. Слово „исторія“ какъ будто начинаетъ указывать скорѣе на методъ, чѣмъ на объектъ изученія. Открывается поле для контрверговъ, весьма аналогичныхъ съ тѣми, какія имѣли и имѣютъ мѣсто въ отношеніи къ философіи. Можетъ ли въ будущемъ существовать исторія, какъ самостоятельная наука, имѣющая свои спеціальныя задачи, отличныя отъ задачъ другихъ общественныхъ наукъ? Не разрабатывается ли все ея содержаніе отдѣльными дисциплинами? Не должна ли, слѣдовательно, исторія съ теченіемъ времени совершенно отказаться отъ изученія общественнаго процесса и, утративъ такимъ образомъ характеръ самостоятельной науки, передать свое имя одной изъ своихъ вспомогательныхъ дисциплинъ, исторической критикѣ? Съ другой стороны, не ближе ли къ тенденціямъ дѣйствительности тотъ взглядъ, который представляетъ будущее отношеніе между исторіей и другими обще-

ственными науками нѣсколько иначе, который изъ факта дифференціаціи общественной науки выводитъ необходимость дисциплины, рассматривающей общественную жизнь въ ея цѣломъ, какъ результатъ взаимодействія процессовъ, составляющихъ специальный предметъ изученія отдѣльныхъ дисциплинъ? Въ сущности, вѣдь исторія какъ разъ въ этомъ направленіи и развивается.

Разъ усвоивъ себѣ научное мировоззрѣніе, исторія должна начинать ab ovo. Это не значитъ, что все, сдѣланное до сихъ поръ историками, не имѣетъ никакой цѣны и можетъ быть выброшено за бортъ, какъ ненужный хламъ. Предшественники очистили массу сыраго матеріала, хотя нужно признаться, что матеріалъ этотъ выбирался чрезвычайно односторонне: очень мало сдѣлано какъ разъ въ томъ направленіи, въ какомъ это было бы болѣе всего необходимо въ настоящее время. Затѣмъ, были сдѣланы весьма удачныя попытки построеній, пролившихъ очень много свѣта на цѣлыя стороны исторической жизни; но о нихъ можно сказать, вовсе не желая умалять ихъ достоинства, что рѣдкія изъ нихъ удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ истинно научнаго изслѣдованія и, въ общемъ, скорѣе указываютъ пути, по которымъ должна вестись широко поставленная и въ то же время строго методическая работа, чѣмъ сами ее производятъ. Наконецъ, не подлежатъ спору заслуги предшестующихъ историковъ въ области исторической методологіи: безъ нихъ была бы немыслима въ настоящее время и сама научная постановка исторіи, хотя нельзя отрицать и того безспорнаго факта, что не мало въ этомъ смыслѣ нужно приписать воздѣйствіямъ со стороны, вліянію общаго подъема научнаго сознанія. Всѣми этими научными приобрѣтеніями предшестующихъ поколѣній современный историкъ воспользуется съ великою благодарностью. И тѣмъ не менѣе ему приходится провѣрять каждый шагъ своихъ предшественниковъ, приходится устранять изъ научнаго оборота цѣлую массу метафоръ и другихъ чисто стилистическихъ украшеній, играющихъ роль серьезныхъ научныхъ объясненій и формулъ. Представленія и понятія объ общественныхъ явленіяхъ, объ общественныхъ процессахъ, а въ зависимости отъ нихъ и историческая терминологія, отличаются крайней неудовлетворительностью, которая находитъ свое объясненіе въ томъ, что всѣ эти представленія и понятія не результатъ научнаго анализа общественныхъ явленій, а привнесены въ науку со стороны. Явленія, представляющія собою самые сложные продукты общественнаго развитія, трактуются какъ совершенно простые элементы, и очень часто, дойдя въ своемъ анализѣ до такихъ вообража

емыхъ простыхъ элементовъ, ученый останавливается и считаетъ свое дѣло оконченнымъ, тогда какъ настоящее изслѣдованіе здѣсь-то и начинается; по аналогіи съ явленіями личной жизни ему представляется вполне простымъ и понятнымъ въ жизни общества то, что въ сущности чрезвычайно сложно и крайне трудно поддается анализу и объясненію. Такія выраженія, какъ „жизненная сила“ и ему подобныя, утратили уже свой престижъ въ естественныхъ наукахъ; между тѣмъ въ исторіи, даже въ трудахъ самыхъ выдающихся ученыхъ, „національный характеръ“, „народный духъ“ и т. д. пользуются полнымъ правомъ гражданства, являясь тѣмъ запаснымъ фондомъ, откуда ученый черпаетъ всякій разъ, когда у него не хватаетъ собственныхъ средствъ распутать сложный вопросъ, остановившій на себѣ его вниманіе.

Все сказанное въ особенности приложимо къ такъ называемой у насъ „культурной“ исторіи, то-есть, той отрасли историческаго знанія, которая слѣдитъ за ростомъ идей и смѣной общественныхъ настроеній. Безъ преувеличенія можно сказать, что культурный историкъ смотритъ на общественный процессъ съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи: для него общество, не смотря на все безконечное разнообразіе составляющихъ его лицъ и группъ и ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ интересовъ и настроеній, все тотъ же индивидуумъ съ его молодостью и старостью, расцвѣтомъ силъ и ихъ упадкомъ, индивидуумъ, сознательно ставящій себѣ точно и ясно сформулированныя цѣли, идеальныя и матеріальныя, до самозабвенія проникающійся возвышеннѣйшими стремленіями или погрязающій въ безднѣ порока, пока не пробудится въ немъ чуткая совѣсть и грозно не призоветъ его къ покаянію и молитвѣ. При такомъ взглядѣ на вещи дѣло изслѣдователя чрезвычайно облегчается: все становится совершенно просто и ясно; остается только расположить факты въ художественной перспективѣ, пустивъ въ ходъ все ресурсы живаго и образнаго слова, и картина общественнаго настроенія готова. Изучая ростъ идей, культурный историкъ, помня заветы идеалистической философіи, обыкновенно изолируетъ идеи отъ ихъ среды и ограничивается установленіемъ отношеній между ними чисто логическимъ путемъ: матеріальная среда для него въ сущности косная масса, важная по столько, по сколько она преобразовывается подъ творческимъ воздѣйствіемъ идеи, родившейся, развившейся и воплотившейся въ образъ выдающейся личности, героя.

Въ настоящее время все больше и больше утверждается въ созна-

кин представителей исторической науки мысль, что такъ просто рѣшать самыя сложныя и запутанныя проблемы исторической жизни нельзя, что нужно начинать дѣло изслѣдованія общественныхъ явленій съ простѣйшихъ элементовъ и ихъ простѣйшихъ комбинацій, что, только ставъ на этотъ путь, исторія можетъ прійти къ дѣйствительно прочнымъ результатамъ, что, только начавъ съ болѣе простаго, только выяснивъ сущность простѣйшихъ элементовъ и элементарнѣйшихъ процессовъ, можно надѣяться понять сложные продукты человѣческаго обществія, какими являются государство, религія, право, мораль и т. п. Такъ возникло такъ-называемое *матеріальное направленіе* въ исторической наукѣ и немедленно же встрѣтило, если не всегда прямо враждебныя, то во всякомъ случаѣ космыя взгляды со стороны представителей культурной исторіи. Поднялись обвиненія въ униженіи исторіи, въ превращеніи ея изъ назидательной и возвышающей душу науки въ какую-то испещренную сухими цифрами счетную книгу, въ которой мѣсто подвиговъ военныхъ героевъ и гражданскихъ доблестей заняли таблицы урожаевъ и заработной платы или бюджетныя росписи, въ которой движущими факторами вмѣсто возвышенныхъ идей, руководящихъ дѣятельностью царей, пророковъ и первосвященниковъ, являются насущныя будничныя потребности и стремленія общественныхъ классовъ и нужды государства. „Экономическій матеріализмъ“—вотъ та формула, которая стала браннымъ словомъ въ устахъ культурныхъ историковъ, позабывшихъ на этотъ разъ все то, что они обыкновенно говорятъ о развитіи идей по схемѣ тезъ и антитезъ. Замѣтивъ нѣсколько примѣровъ крайностей въ увлеченіи матеріальной исторіей, вполне естественныхъ во всякомъ живомъ и новомъ дѣлѣ, культурные историки ударили въ набатъ, призывая всѣхъ, кому еще дороги интересы человѣческаго прогресса, идеальныя порывы и стремленія, на защиту науки отъ вторженія матеріалистовъ, отрицающихъ за идеями всякое значеніе общественныхъ двигателей и видящихъ въ нихъ одинъ пышный покровъ, скрывающій отъ глазъ наблюдателя безпощадную борьбу самыхъ низменныхъ, грубо матеріальныхъ интересовъ. Конечно, возможны историки, готовые весь историческій процессъ свести на экономическое, напримеръ, развитіе. Но вѣдь это—крайность, односторонность, и видѣть въ такихъ крайностяхъ точную формулировку новаго направленія значить въ пылу полемики не понимать смысла совершающейся въ области исторической науки перемѣны. *Матеріальная исторія* и ея крайняя школа, экономическій матеріализмъ, вызваны къ жизни новымъ

научнымъ направлеиіемъ, но ими не исчерпывается это научное направление, сущность котораго заключается въ томъ, что его представители, прежде чѣмъ изучать развитіе высшихъ отправленій общественнаго организма, поставили своей ближайшей цѣлью изслѣдованіе структуры, генезиса и развитія самого общественнаго организма и изученіе его элементарныхъ отправленій, вовсе не предрѣшая вопроса о роли идей въ общественномъ развитіи и при томъ непремѣнно въ смыслѣ неблагоприятномъ для лучшей стороны человѣческой природы. Безспорно, строгія требованія, предъявляемыя представителями научной и *пока матеріальной* исторіи къ дѣлу научнаго изслѣдованія, не могли остаться безъ вліянія на ихъ взгляды въ области культурной исторіи; конечно, многія изъ тѣхъ рѣшеній культурныхъ вопросовъ, которыя казались и кажутся какъ культурнымъ историкамъ, такъ и массѣ читающей публики безспорными и являются твердо установленными принципами для сужденій и практической дѣятельности. на взглядъ представителей матеріальной исторіи сказываются даже и вовсе не рѣшеніями, а лишь апіорными утвержденіями, часто болѣе свидѣтельствующими о нравственной и художественной, чѣмъ о научной высотѣ ихъ авторовъ. Но вѣдь отрицаніе опредѣленныхъ рѣшеній вопросовъ объ идеяхъ не есть отрицаніе самихъ идей; идеи остаются вполнѣ реальными историческими явленіями, культурные процессы остаются не менѣе реальными, чѣмъ процессы матеріальные, какъ явленія, обусловленныя и въ свою очередь обусловливающія. Весь вопросъ заключается въ томъ, каково же именно ихъ мѣсто въ общемъ историческомъ процессѣ, чтó они въ немъ и для него.

Мы далеки отъ мысли, что въ настоящее время изученіе культурнаго процесса совершенно не возможно. Оно возможно и теперь, и даже не только въ смыслѣ собиранія и очистки матеріала для будущихъ изслѣдователей, которые приступятъ къ дѣлу, запасшись вполнѣ отчетливымъ представленіемъ о матеріальной почвѣ, вращающей культурные плоды. И не дожидаясь этого болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, можно подходить къ культурному процессу съ не вполнѣ праздною надеждою сдѣлать полезное дѣло. Но только при этомъ слѣдуетъ совершенно отказаться отъ всякихъ притязаній на исчерпывающее рѣшеніе и твердо помнить, что все, на что пока можетъ рассчитывать въ этомъ случаѣ добросовѣстный изслѣдователь, это по возможности точное описаніе культурнаго процесса и установленіе культурныхъ фактовъ въ порядкѣ ихъ сосуществованія и послѣдовательности. Всякое явленіе, подлежащее изученію историка, есть обще-

ственный продукт, результат взаимодействия всех общественных сил; только стоя на этой *социологической* точке зрѣнія, можно изучать явленіе дѣйствительно научнымъ образомъ, можно изслѣдовать его; нужно, слѣдовательно, принимать во вниманіе все факторы, какъ матеріальные, такъ и культурные, а для этого ихъ нужно предварительно изучить. Изученіе это можетъ пойти успѣшно только въ томъ случаѣ, когда строго будетъ опредѣлена и отграничена область факторовъ и процессовъ матеріальныхъ отъ области факторовъ и процессовъ культурныхъ, и наблюденія, сдѣланныя надъ явленіями одного изъ двухъ указанныхъ порядковъ и только ихъ объясняющія, не будутъ цѣликомъ примѣняться къ объясненію явленій, представляющихъ собой результатъ взаимодействия *всѣхъ* общественныхъ факторовъ. Разногласіе между матеріальными историками и историками культурными сводится къ тому, что первые руководствуются въ своихъ занятіяхъ именно этой мыслью, отмежевываютъ для изслѣдованія опредѣленную область явленій, полученные выводы считаютъ имѣющими значеніе только примѣнительно къ этой области и не могутъ признать плодотворными широкія обобщенія культурныхъ историковъ, сознательно или бессознательно превышающихъ свою научную компетенцію.

I.

Постепенное исчезновеніе рѣзкихъ разграничительныхъ линій между исторіей и другими общественными науками, на которое мы указывали выше, проявилось, между прочимъ, въ томъ, что вопросы, въ прежнее время составлявшіе предметъ спеціальнаго интереса юристовъ или любопытства археологовъ, теперь сдѣлались объектомъ внимательнаго изученія общихъ историковъ. Къ такимъ вопросамъ относится вопросъ о феодальномъ помѣстьѣ, мэнорѣ по англійской терминологіи. Въ настоящее время это основной вопросъ средневѣковой исторіи въ ея новой, широко научной постановкѣ, когда мѣсто суммарныхъ характеристикъ феодализма, имѣвшихъ цѣлью установленіе абстрактно-логической связи между выступающими на поверхность признаками феодальнаго строя, заняло самое тщательное изслѣдованіе простѣйшихъ элементовъ средневѣковаго общества во всей пестротѣ ихъ жизненнаго проявленія, изслѣдованіе ихъ генезиса и развитія. Такимъ простѣйшимъ элементомъ феодальнаго общества, клѣточкой организма феодальнаго общества, несомнѣнно, является мэноръ. Средневѣковое государство не было государствомъ въ нашемъ смыслѣ. Оно

представляло собою федерацію мелкихъ болѣе или менѣе независимыхъ государствъ; я имѣю въ виду не только такой агрегатъ рѣзко выраженныхъ политическихъ индивидуальностей, какимъ является, напримѣръ, капетингская Франція; и средневѣковая Англія съ ея сильно развитой, въ условіяхъ завоеванія, центральной властью во многомъ еще сохранила характеръ федераціи, не смотря на то, что и владѣнія ея магнатовъ были разбросаны во всей странѣ, и держатели этихъ магнатовъ клялись быть вѣрными не только своимъ непосредственнымъ сеньерамъ, но и общему для всѣхъ государю, королю. Мэноръ былъ политической, соціальной и экономической единицей англійскаго феодальнаго общества; въ его внутренніе распорядки общая для всего союза центральная власть не вмѣшивалась, имѣя дѣло только съ представителями политическихъ единицъ, ихъ государями, съ лордами мэноровъ. Изученіе внутренней структуры мэнора, его хозяйственныхъ распорядковъ, состава его населенія и взаимныхъ отношеній его общественныхъ классовъ и ихъ отношеній къ сеньеру, характера власти сеньера, — слопомъ всестороннее изслѣдованіе всѣхъ внутренннихъ отношеній этого первичнаго хозяйственнаго и политическаго союза и ихъ эволюція, — вотъ центральная задача средневѣковой исторіи, и отъ того или инаго рѣшенія ея зависить то или иное рѣшеніе общей задачи о происхожденіи феодальнаго строя и еще болѣе общаго вопроса о происхожденіи соціальнаго и политическаго строя современной Европы.

Философскія умозрѣнія эпохи романтизма, національныя симпатіи и антипатіи и несходство въ политическихъ взглядахъ, порознь и въ различныхъ сочетаніяхъ, раздѣлили изслѣдователей средневѣковой исторіи на двѣ основныя группы: германистовъ и романистовъ, которые въ вопросахъ о происхожденіи соціальнаго и экономического строя феодальной Европы являются, какъ школа общинниковъ и школа вотчинниковъ. Въ то время, какъ для германистовъ исходнымъ пунктомъ средневѣковаго развитія является свободная масса, организованная въ свободные хозяйственные и политическіе союзы на началахъ общиннаго владѣнія, хозяйства и самоуправления, по мнѣнію романистовъ, не община свободныхъ людей легла въ основу феодальнаго строя и явилась творцомъ мэноріальныхъ распорядковъ; нѣтъ, и самъ мэноръ, и всѣ его чисто общинные распорядки представляютъ собою только дальнѣйшее развитіе того, что было создано въ эпоху Римской имперіи единоличной властью помѣщика съ его безконтрольнымъ господствомъ надъ толпами рабовъ и колоновъ; власть сеньера —

вотъ единственный источникъ всѣхъ личныхъ и вещныхъ правъ и хозяйственныхъ порядковъ зависимаго населенія. Въ то время, какъ германисты представляютъ ходъ соціального развитія романо-германской Европы въ видѣ движенія отъ свободы къ крѣпостничеству и отъ крѣпостничества опять къ свободѣ, для школы романистовъ съ Фюстель де-Куланжемъ и Сибомомъ во главѣ онъ является непрерывнымъ движеніемъ отъ рабства къ свободѣ.

Постоянныя натяжки, насилваніе текстовъ и искаженіе фактовъ въ силу стремленія подогнать ихъ подъ заранее составленныя рубрики, вполне неизбѣжный результатъ внесенія въ научную работу совершенно посторонняго элемента, сильно вредятъ научной цѣности изслѣдованій представителей названныхъ школъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что замѣчаніе это больше применимо къ романистамъ. Отдавая полную дань уваженія крупнымъ заслугамъ Ф. де-Куланжа и Сибома, заставившихъ ученый міръ заново пересмотрѣть почти каждый вопросъ сревневѣковой соціальной исторіографіи и тѣмъ внесшихъ въ научную атмосферу небывалое оживленіе, тѣмъ не менѣе нельзя не признать ихъ общаго построенія совершенно искусственнымъ, идущимъ въ разрѣзъ съ массой совершенно безспорныхъ фактовъ, которые поэтому имъ приходится истолковывать въ смыслѣ, какъ разъ противоположномъ ихъ прямому и единственному значенію. Посторонній наблюдатель поставленъ въ болѣе выгодныя условія. Элементъ національнаго сопернанія или партійной полемики для него не существуетъ. У него поэтому больше шансовъ стать на чисто отвлеченную точку зрѣнія теоретической науки. Въ этомъ одно изъ основанийъ утвердительнаго отвѣта на такъ часто поднимающійся у насъ вопросъ: могутъ ли русскіе ученые поспѣвать свои силы изслѣдованію вопросовъ западно-европейской исторіи? Съ тѣхъ поръ, какъ исторія становится широко-теоретической наукой, изучающей прошедшее отдѣльныхъ націй и государствъ, какъ матеріалъ для рѣшенія общихъ вопросовъ общественной эволюціи, выборъ той, а не другой страны стоитъ въ зависимости отъ чисто методологическихъ соображеній. Обиліе архивнаго матеріала, большая рельефность изучаемаго процесса въ данной странѣ сравнительно съ другими и т. п. соображенія — вотъ чѣмъ можетъ и долженъ обусловливаться выборъ ученымъ той, а не другой страны предметомъ спеціального изслѣдованія, и возможность научнаго безпристрастія занимаетъ не послѣднее мѣсто среди этихъ соображеній.

Имя профессора, Московскаго университета П. Г. Виноградова

давно уже пользуется почетной извѣстностью въ кругу ученыхъ Англии, какъ знатока ея социальныхъ отношеній въ періодъ среднихъ вѣковъ. Послѣ специальныхъ работъ въ англійскихъ историческихъ и историко-юридическихъ журналахъ, послѣ открытія такъ называемой „записной книжки“ (Note-Book) юриста XIII вѣка Брактона, П. Г. Виноградовъ выступилъ теперь передъ западной публикой, какъ авторъ обширнаго трактата, посвященнаго изученію основныхъ элементовъ феодальнаго строя. Какъ извѣстно, почтенный московскій историкъ началъ свою научную дѣятельность крупной и свѣжей работой по широкому вопросу о происхожденіи феодальныхъ отношеній (разумѣемъ его магистерскую диссертацию о происхожденіи феодализма въ Ломбардской Италіи) и съ тѣхъ поръ продолжаетъ свои изслѣдованія въ этой области, сосредоточивая свое вниманіе на экономическихъ и социальныхъ основахъ феодальнаго строя. Обширная эрудиція, широкій взглядъ на историческій процессъ, строго научная постановка вопросовъ и строго методическое ихъ разрѣшеніе путемъ тонкаго и всесторонняго анализа архивнаго матеріала—вотъ тѣ особенности его работъ, которыя дѣлаютъ знакомство съ ними необходимымъ для всякаго, кто хочетъ получить истинное понятіе о задачахъ и приемахъ научнаго изслѣдованія въ области исторіи. Мы бы желали поэтому познакомить русскую публику съ новымъ трудомъ проф. Виноградова, который успѣлъ уже вызвать въ Англии цѣлую литературу замѣтокъ и рецензій, единогласно признающихъ за нимъ значеніе крупнаго вклада въ науку и ставящихъ нашего русскаго ученаго на ряду съ Гнейстомъ, Нассе и Паули, иностранцами, такъ много сдѣлавшими, по сознанію самихъ англичанъ, для англійской историографіи.

Мы назвали англійскую книгу проф. Виноградова *новымъ трудомъ*. Дѣйствительно, вышедшій томъ „Villainage in England“ не есть переводъ его докторской диссертации; онъ представляетъ собою новую, еще болѣе глубокую разработку вопросовъ, составившихъ предметъ первыхъ двухъ главъ „Изслѣдованій по социальной исторіи Англии, въ средніе вѣка“; онъ посвященъ изслѣдованію англійскаго крестьянства въ XIII-мъ вѣкѣ, въ эпоху, когда окончательно сложились феодальныя отношенія; эпоха Норманскаго завоеванія и эпоха англосаксонская будутъ рассмотрѣны въ слѣдующемъ томѣ.

Напомнимъ вкратцѣ методъ, планъ и основные выводы „Изслѣдованій“. Анализируя хорошо извѣстные факты болѣе поздней эпохи, авторъ констатируетъ среди нихъ обломки болѣе отдаленнаго прошлаго; эти обломки даютъ ему возможность точно и ясно ставить